

Нина Дашевская (Смирнова),
выпускница 1997 г.,
скрипачка оркестра Детского муз. театра им. Н. САЦ (Москва)

Училище открывается в шесть утра. Важно приехать первым, первым взять класс. Чтобы потом все, кто берёт ключ, видели: ты первый! К семи часам училище гудит всеми стенами, свободных классов не остаётся. Другое дело, что можно взять класс, поиграть гаммы полчаса, а потом пить чай, или попросту лечь спать на стульях. До первой пары: она начинается в восемь тридцать.

Ехать в училище мне около часа; есть особенное удовольствие сидеть в пустом трамвае, который везёт тебя со скрипкой через спящий зимний город. Вставать было легко; вообще 1-й курс в училище мне казался невероятным счастьем: всё другое, взрослое, настоящее. В школе я занималась не больше двух часов в день, а на 1-м курсе сразу ставлю "рекорд" — шесть. Это модно ставить такие рекорды, и для кого-то эти мои "шесть" были нижним пределом. Мальчишки устраивались сторожить детские сады, чтобы заниматься ночью.

В школе мне часто непонятно было что делать: выучила наизусть, а что дальше? В училище сразу стало видно, что дальше: вот они, старшекурсники! Думаю, при самом прекрасном учителе студенту необходимы старшие товарищи, среда. Мне повезло: время моей учёбы пришлось на расцвет струнного отделения, все играли, слушали музыку, занимаясь с утра до вечера.

Конкурс имени Андрея Корсакова, к которому многие активно готовились (все знали программы друг друга, у кого что получается, что не очень, устраивались совместные концерты-обыгрывания программ). Я "слетела" с первого тура конкурса, и с того времени осталось ощущение — процесс важнее результата. Расстройства не было; только немного обидно, что не удалось сыграть программу второго тура.

Главное на струнном отделении событие: поездка в Германию в 1993. Зав. отделением и руководитель оркестра, виолончелистка Тамара Константиновна Мегина организовала поездку, и это одно из лучших воспоминаний в моей жизни.

Оркестр занимался в спортзале, так как концертный зал еще не был построен. Перед поездкой занимались чуть не каждый день. До сих пор музыка из той первой оркестровой программы вызывает воспоминания: "Gloria" Вивальди, концерт для трубы Телемана, фа-минорный клавирный концерт Баха, его же двойной скрипичный концерт (сколько бы потом ни приходилось играть, всегда вспоминается то, первое исполнение).

Никогда потом, во взрослой оркестровой жизни мне не казалось, что мы играем так же хорошо, как тогда!

В училище много удивительных преподавателей, ярких, настоящих "фанатов" своего дела. Нам не казалось странным, что учителя занимаются с нами дома и в выходные. И они не только занимались, они выходили далеко за пределы своего предмета. В 35-м виолончельном классе у Т.К. Мегинной я впервые услышала Восьмой квартет Шостаковича и До-мажорный квинтет

Шуберта. А большую часть скрипичного репертуара — дома, у Степана Ованесовича Мильтоняна...

Наталья Георгиевна Грибунина вела у нас Историю религий и МХК (мировую художественную культуру). Уникальный человек, ей интересно было всё: окончила режиссёрский факультет и тут же начала учиться играть на виолончели. Потом организовала театральную студию в училище.

Но больше всего я помню, как мы у неё в классе смотрим "картинки". Это картинки по МХК, в доинтернетную эпоху добытые правдами и неправдами из разных журналов и книг. На них — репродукции произведений искусства, которые мы должны "запомнить на всю жизнь". ЗИККУРАТ ЭТАМИНАНКИ АРАДАХЕШУ (да, действительно запомнили).

И вот мы учим "картинки", а в это время к Наталье Георгиевне приходит Александр Александрович Филиппов, и они начинают в четыре руки на расстроенном пианино читать с листа какую-то симфонию. Один из моих однокурсников спрашивает:

— А зачем вы это делаете?...

— Как! Вы не понимаете! — кричит НГ, — это же такой кайф!

Было видно, что это и вправду безумное удовольствие для них обоих.

Самое главное для меня в училище — мой учитель, Степан Ованесович Мильтонян. Про него можно говорить бесконечно; не получается только одно: писать официально. Уж очень он был неофициальный человек. Внесистемный, упрямый, неутомимый, сумасшедше деятельный — ему всегда было мало, хотелось чего-то нового. И при этом самый талантливый учитель, которого я встречала.

Система его преподавания, как я сейчас понимаю, заключалась не в том, чтобы научить ученика играть как можно лучше. А в том, чтобы показать ему дорогу и научить идти самому, идти как можно дальше. Выглядело так, что на уроке он говорит мало конкретного, не решает каких-то прямых задач: и потом, когда всё получалось, казалось, что это ученики сами такие талантливые.

Класс Мильтоняна жил будто огромной семьей. Были регулярные собрания дома: приходили разбирать пластинки и делать каталог фонотеки. Каждый раз эта работа начиналась заново; попутно слушались пластинки, конечно, это была такая часть образования. Думаю, он не хотел, чтобы мы рано или поздно закончили этот каталог: опять же, процесс важнее результата.

Он водил нас в походы, организовывал музыкальный лагерь, где мы на берегу реки пугали местных обитателей скрипичной игрой. Обязательны были майские поездки в Чуприяновку. Концерты в городах области, семинары по стране — мы тоже были постоянно в движении вместе с ним.

Думаю, что мне тогда был очень важен человек, который бы постоянно говорил: ты очень многое можешь. Он постоянно это говорил, я до сих пор чувствую его поддержку во всём, что делаю.

Я пишу детские и подростковые книги, и мне часто говорят: вокруг ваших героев так много хороших взрослых. И я отвечаю: вокруг меня и правда было много замечательных взрослых, и мне очень повезло с учителями. Особенно в училище...